

Мария Дмитриовская

Фа(у)сты:

ПОНЯТИЙНАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. А. БУНИНА

Maria Dmitrovskaya

Fa(u)sti: The Conceptual Structure of Ivan Bunin's Works

Мария Алексеевна Дмитриовская (Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта; главный научный сотрудник; доктор филологических наук) dmitrovskayama@yandex.ru.

Maria Alexeevna Dmitrovskaya (Dr. habil.; Head Researcher, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad) dmitrovskayama@yandex.ru.

Ключевые слова: И.А. Бунин, понятийная структура, фасты, Фауст, космогония, эсхатология, метаморфоза, календарный код, церковный календарь, мультиязыковой код

Key words: Ivan Bunin, conceptual structure, *fasti*, Faust, cosmogony, eschatology, metamorphosis, calendar code, church calendar, multilingual code

УДК: 821.161.1+801.73

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_276

UDC: 821.161.1+801.73

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_276

В статье произведена реконструкция ряда узловых компонентов понятийной системы И.А. Бунина, которая лежит в основе его произведений, написанных с 1889 года. Система Бунина соединяет в себе космогонию и эсхатологию в общем и частном измерении: все сущее подвержено гибели и последующему возрождению. Базовые средства развертывания системы включают составляющие двойчатку представления о фастах и Фаусте. Принцип зеркального отражения направлен на порождение частей, тождественных друг другу и целому. На достижение этого же эффекта направлен и ключевой в системе писателя принцип метаморфозы. Рассмотрена значимость порогового временного перехода у Бунина. Показано центральное место самого писателя в созданной им системе.

The article features a reconstruction of a number of key elements of the conceptual system that lay at the heart of Bunin's works written from 1889 on. Bunin's system combines cosmogony and eschatology in general and in a specific dimension: all living beings are subjected to death and to subsequent rebirth. The basic means of deploying the system include dual concepts of *fasti* and Faust. The principle of mirror reflection is aimed at the creation of parts identical to each other and to the Whole. The principle of metamorphosis, which is key in the Bunin's system, is also directed towards the achievement of this same effect. The significance of the threshold temporal passage in Bunin is considered. The central place of the writer himself in the system he created is shown.

Марине Евстафьевой

Сознание у-дела. В трагедии И.В. Гёте «Фауст» в Пасхальное воскресенье Фауст берется за перевод Евангелия от Иоанна. Его останавливает первая строка: «В начале было Слово». В сомнениях он отвергает Слово, мысль, силу и останавливается на *деле*. Этим обеспечивается поворот в сторону начала Ветхого Завета — через Апокалипсис авторства того же Иоанна Богослова. В романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» (1927—1929) Алексей Арсеньев читает «Фауста» в кризисное для него время первой близкой встречи со смертью — умирает его зять Писарев. Посмотрим, чем Бунин *поделится* со своим автобиографическим героем.

«Я был в духе в день воскресный» (Откр. 1:10). Какого «Фауста» читает Арсеньев? К смерти Писарева ведет цепочка календарно приуроченных событий. На Святках Арсеньев уезжает из города с решением не возвращаться в гимназию, проводит (Рождественскую) ночь на станции и утром оказывается в Васильевском, где знакомится с Анхен. Зима проходит под знаком поездок из Батурина в Васильевское к зятю Писареву, чтения книг и взаимного чувства к Анхен. «На первый день Пасхи» [Бунин 1965—1967, 6: 103]¹ Писарев умирает, и семья едет в Васильевское. Эти факты соответствуют действительным событиям в жизни Бунина, кроме измененных имен. Под Писаревым скрывается Пушешников, который умер 14 апреля 1886 года: Пасха в том году была 13 апреля [Летопись... 2011: 34] (если не указано иначе, даты приводятся по старому стилю). В ночь перед похоронами Арсеньев слушает под дверью, как читают над покойным (6: 106): при этом Бунин соединяет фрагменты трех псалмов (Пс. 92:1, 3; 101:26—27; 103:31). В них говорится о славе Господа, о сотворении им земли, небес, мира и о вечном Его бытии в отличие от гибели Им сотворенного. Эсхатологическая картина сменяется словами о возобновлении как смене обветшавшего — как мира, так и твари. Арсеньев выходит во двор: «Какое-то тончайшее и чистейшее дыхание чуть серебрилось между землей и чистым звездным небом» (6: 107). Небо и земля, в которую завтра зарюют Писарева, соединяются дыханием-духом (от) земли. Содержание псалмов соответствует пороговым временным значениям цепочки событий, заканчивающихся похоронами, дающих ощущение *обновления* жизни. Тем самым частная жизнь связана взаимными проекциями с мировой, космической. Арсеньев находит в библиотеке Писарева «Фауста» и читает его вплоть до отъезда Анхен через две недели. Время действия I части «Фауста» Гёте от Пасхальной ночи до следующего дня после Вальпургиевой ночи (2 мая) совпадает со временем, проживаемым героем. Одно место, где Фаусту в ночь на Пасхальное воскресенье является дух земли, особо волнует Арсеньева. Содержание этого отрывка перекликается с фрагментом 26-го псалма из чтения над покойным Писаревым:

Потоками жизни, в разгаре деяний,
 Невидимый, видимо всюду присущий,
 Я радость и горе,
 Я смерть и рожденье,
 Житейского моря
 Живое волненье —
 На шумном станке мирозданья
 От века сную без конца
 И в твари и в недрах созданья
 Живую одежду Творца...

(6: 114)

Этот фрагмент не совпадает с имевшимися на тот момент переводами. Более того, вторая и третья строки у Гёте отсутствуют. Слова «Невидимый, видимо всюду присущий» отсылают к Посланию к Римлянам апостола Павла: «Ибо

1 В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы. Курсив в цитатах из всех источников наш. — М.Д.

невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений *видимы...*» (Рим. 1:20). Так в романе происходит соединение русского, немецкого и римского. Это послание Арсеньева-Бунина *urbi et orbi* — ‘городу (Риму) и миру’.

Смерть зятя с говорящей фамилией *Писарев* переходит в рождение нового писателя — Арсеньева: вскоре он получает журнал с первой публикацией своих стихов (в действительности первое стихотворение Бунина было опубликовано 22 февраля 1887 года) [Там же: 39]). Показательно отсутствие имени-отчества у Писарева. Этим скрывается тот факт, что реальные Пушешников и Бунин были тезками — Иванами Алексеевичами. Смерть одного Ивана знаменует рождение другого — Гёте тоже зовут Иоганном. Но действительно ли Бунин читал «Фауста» в описанных обстоятельствах? Ответ дали бы дневники Бунина за тот период, но их у нас нет. Зато есть страница из дневника Оли Мещерской в рассказе «Легкое дыхание». В 1886 году Дмитрию *Ивановичу* Писареву (1840—1868), от которого бунинский Писарев унаследовал фамилию, было бы 45—46 лет. Столько же лет будет Бунину в 1916 году, когда он напишет «Легкое дыхание». В последний год жизни Оле Мещерской 15—16 лет — столько же было Бунину в 1886 году. В любом случае чтение Арсеньевым «Фауста» не случайно.

Мир всем! Разнообразие сюжетов и одновременно наличие повторяющихся мотивов у И.А. Бунина не препятствуют поиску глубинной понятийной основы его произведений. Основание системы Бунина двойственно и предполагает встречное движение, с одной стороны, от мироздания к индивиду, к самому Бунину, с другой стороны — от Бунина к мирозданию. Система Бунина соединяет в себе космогонию и эсхатологию в общем и частном измерениях: творение мира предполагает его конец и последующую регенерацию, а рождение человека имеет своим пределом смерть, которая воз-рождает его. Циклическое время существования вселенной и человека изоморфно годичному, месячному, недельному, суточному временным циклам. Здесь возникает антиномия целого и части. Целостность мира творится как упорядоченное собрание его частей; следовательно, до выделения частей он должен существовать как целое, гибель же мира тоже означает разделение целого на части, распад, распыление; следовательно, до своей регенерации он не существует как целое. Поэтому в каждый из временных периодов — существования, гибели и рождения — мир должен одновременно существовать и как целое, и как разделенное на части (ср. в этой связи омонимичность корней *дел-* в словах *делать* и *делить*). Это же верно в отношении пространства. Совмещение гибели и творения игровым образом отражено в самом слове *космогония*, образованном соединением др.-греч. *κόσμος* ‘мир, Вселенная’ + *γενή* ‘рождение’. В игровом разложении его можно представить как *косм* + *агония*, то есть ‘терминальное состояние мира перед смертью’. Одновременно возникает зона перехода между гибелью и возрождением. В рамках статьи невозможно дать полное описание системы Бунина. Мы сосредоточимся на ряде ее узловых компонентов.

К целому с-частью. Создание понятийной системы потребовало от Бунина поиска базовых средств ее развертывания. В основу положено являющее собой двойчатку представление о фа(у)стах, члены которой — фасты и Фауст(ы). Фасты — это римский календарь. «Фасты» Овидия (8 год н. э.) представляют собой

шесть книг с описанием римского календаря и религиозных праздников с января по июнь. Первая прямая отсылка к «Фаусту» И. В. Гёте встречается у Бунина в рассказе «Легкое дыхание» (1916). Оля Мещерская пишет в дневнике о прогулке с Малютиным по саду: «...он вел меня под руку и говорил, что он *Фауст с Маргаритой*» (4: 358). Позже Бунин явно отсылает к фаустовскому полю еще в ряде произведений 20-х годов: «Митина любовь» (1924), «Сосед» (1924), «Книга» (1924), «Ида» (1925), «Маргарита прокралась в светелку...» (1926) и «Жизнь Арсеньева». Рассказ «Легкое дыхание» приоткрыл прием, который — как фа(у)стовский — присутствует во всем творчестве писателя. Соединение в систему двух понятийных полей иконически отображает главный point системы Бунина: распад единого на части и соединение частей в целое как принцип мироустройства, где каждая из сторон противонаправленного процесса одновременно связана с творением и уничтожением, жизнью и смертью, войной и миром.

Представления о фастах претерпели в Древнем Риме эволюцию. Изначально их семантика была исключительно судебной. Лат. *fastus* означает 'присутственное, открытое для судебных заседаний, судебное', во мн. ч. *fasti* (сокращенное от *dies fasti*) — 'расписание присутственных дней в суде'. Выделялись также (*dies nefasti*) — несутсутственные дни и (*dies intercesi*) — смешанные дни. Сначала расписание дней составлялось на один месяц, потом — на год. Постепенно название *fasti* перешло на сам календарь. (*Dies*) *fasti*, в отличие от (*dies*) *nefasti*, считались счастливыми. Получается, что *fasti* как календарь ('счастливые дни') вбирают в себя все (не)счастливые дни. У Бунина слово *счастье* обнажает свое этимологическое значение 'наделять частью' (ср. *доля*, *участь*, *удел*). Календарь в целом и временные отрезки его членения тождественны. Семантика *счастья* как *части* устанавливает соответствие фаст и фаустовского поля: имя *Фауст* (от лат. *faustus* 'счастливый, благоприятный') обладает той же семантикой, которой наделялись (*dies*) *fasti*.

Обращение к фа(у)стам позволяет Бунину активизировать представление не только о времени, но и — благодаря анаграмматичности слов *Рим* и *мир* — о мироустройстве в целом, где *мир* дан как *миръ* и *миръ*. В мире вычленяются части, тоже являющиеся мирами (ср. омофонию англ. *peace* 'мир, покой' и *piece* 'часть'). Членение пространства и времени задает историю народов, где слово *народ* синонимично устаревшему *язык*, откуда переход к языку как средству общности народа. Бунин поднимается до целостности языка путем расчленения отдельных языков и их смешения (процесс, обратный вавилонскому смешению языков), приращивая этим языковое обеспечение понятийной системы. Единое фа(у)стовское поле *делится на* и *состоит из*, увеличивая количество частей. Это относится к множественности источников с двух сторон. Фаустовское поле у Бунина питают одновременно народная легенда о Фаусте, трагедия И. В. Гёте «Фауст» (1774—1831) и созданные на их основе произведения. Со стороны фаст выступают не только «Фасты» Овидия, но и другие его произведения. Одновременно активизируется поле римской и мировой истории и культуры. Фаустовское поле «запускает» европейский календарь, в том числе церковный. Отметим, что и сам Фауст в народной легенде предстает как составитель календарей [Легенда... 1978: 55—56, 62, 64]. Вместе с тем игровым образом *римскими* являются как юлианский календарь, названный в честь Юлия Цезаря и введенный в Римской республике в 45 году до н. э., так и григорианский календарь, введенный папой римским Григорием XIII в 1582 году.

В системе Бунина значима «восточная» составляющая, которая не сводится к произведениям, инспирированным его путешествиями на Восток: до начала путешествий система была уже создана. «Восточная» составляющая «играет» различными гранями. Назовем две. Восток как мир ислама приобретает мировой (как и *Рим* — мировой) статус. Основания, как всегда у Бунина, поддерживаются языком. Араб. *ислам* (букв. 'подчинение') образовано от общего для семитских языков корня С-Л-М с общим значением 'целый', 'безопасный', 'неповрежденный', откуда араб. *салам*, ивр. *шалом* 'мир', 'спокойствие'. Языковая общность арабского, иврита и арамейского обеспечивают такой же статус иудаизму и христианству, при этом Восток и Запад как геокультурные образования обнаруживают как различия, так и значимые пересечения. Отметим, что Помпей взял Иерусалим в 63 году до н. э. Первым вступил на стену города Корнелий *Фауст* (*Joseph. Flav. Ant. Iud. XIV, 4:4*). (О трансформации Руси в *мир* будет сказано ниже.) В слове *Азия* содержится двоение *Аз-и-я*. Здесь вступает в силу принцип зеркальности, обеспечивающий деление. В рассказе «У истока дней» (1906), опубликованном в 1929 году под названием «Зеркало», Бунин повествует о пробуждении сознания у себя-ребенка, которое связано с загадкой зеркала. При этом из я вычленяется *другой*, и идентичность частей распадается. Кроме того, расстояние во времени между ст.-слав. *азъ* и русск. *я* соответствует рассуждениям писателя о том, что он, взрослый, не может воспринимать себя в более раннем возрасте тождественным себе. Принцип зеркальности встроен в бунинскую систему: он обеспечивает тождество-в-различии автора и его героев, героев между собой, временных точек на годовом круге и пространственных континуумов. Своими именами *Фауст* с *Маргаритой* тоже сопряжены с принципом зеркальности. *Фауст* предполагает деление на части, где его отражением являются *фасты*, *Маргарита* при этом является зеркалом: фр. *miroir* [miʁwaʁ] 'зеркало' паронимично азерб. *mirvari*, тур. *meruarid* 'жемчужина', которые заимствованы из индоиранских языков, как и др.-греч. *μαρμαρίτης*, откуда *Маргарита*. При этом фр. *miroir* игровым образом раскладывается на русск. *миръ/миръ* + англ. *war* 'война'. Переход от конца одного цикла к началу другого содержит драматическое противоборство разных начал, заканчивающееся реальной (часто насильственной) или символической гибелью. Это противостояние заложено и в любви. Языковые переходы *мир* → *Рим* → лат. *Roma* 'Рим' → лат. *amor* 'любовь' помещают любовь в ядро понятийной системы, включая разработку сюжета *Фауста* и *Маргариты*. Взаимное притяжение и отталкивание, соединение и разъединение в любви вписаны в космическую драму конца и начала. Связь любви с повторяющимся календарным годом заявлена в рассказе «Тень птицы» (1907) о путешествии писателя в Стамбул. С ним «Тезкират» *Саади* (араб. *саад* — 'счастье'), цитируемый Буниным: «Ибо на каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь: друг, прошлогодний календарь не годится для нового года!» (3: 374—375). В миниатюре «Обреченный дом» (1930) жертвой преступления становится часовщик. В витрине его дома — «старинные часы... бронзовый маятник которых (в виде двух обнявшихся влюбленных)... тихо и мерно ходит из стороны в сторону...» (5: 403). В рассказе «Чистый понедельник» (1944, цикл «Темные аллеи») в рассуждениях героев о любви присутствуют основные маркеры системы Бунина: война, мир, восток, любовь, счастье, часть и целое, существование и уничтожение. Герой, которому героиня отказывает в физической близости, говорит: «И буду ждать, когда и вы узнаете, что

такое любовь, счастье!» Она отвечает словами Платона Каратаева из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: «Счастье, счастье... “Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету”». «Ах, Бог с ней, с этой восточной мудростью», — отвечает герой (7: 242). *Счастье* при этом активизирует представление о Фаусте и Маргарите.

Встроенность самого Бунина в систему, его обязательное присутствие в текстах проявляется в одновременном учете им двух временных континуумов: года написания произведения и датировки описываемых событий, которая может быть выражена явно или реконструироваться. Это дает возможность проникнуть в ход творческого процесса писателя. Его сюжеты не рождаются спонтанно, но сам процесс их появления связан с учетом календарной их приуроченности и текущего календаря. Бунин обращается к разным типам календарей, а различие между григорианским и юлианским календарем может им как учитываться, так и не учитываться.

С Новым God’ом! Время у Бунина дробится на части и собирается воедино. Единичное событие содержит в себе множественность временной годоводной семантики [Дмитровская 2019], а различные распределенные во времени события оказываются тождественными друг другу и целому. Все они содержат семантику новогоднего временного перехода, сопровождающегося смертью и возрождением. При этом события могут быть как синхронизированы с реальным Новым годом (рассказ «Новый год», 1901), так и не синхронизированы с ним. Такой же семантикой явного порогового перехода обладают наступающие за неделю до Нового года Святки и Рождество (24—25 декабря), также Страстная пятница и Пасха. В рассказе «Безумный художник» (1921) главный герой в ночь перед Рождеством в память об умершей родом жене рисует сюжет Рождества, но под его рукой рождается окрашенный в апокалиптические тона сюжет распятия. В рассказе «Преображение» (1921) молодой мужик Гаврила переживает мистический опыт во время ночного чтения над умершей матерью. Из окна дует ледяной ветер, и кажется, что покойница дышит. Она превращается для него в «существо, сокровенное бытие которого так непостижимо, как Бог» (5: 79). После пережитого Гаврила оставляет крестьянскую работу и становится ямщиком. Теперь его жизнь в постоянных поездках, в движении-кружении, совпадающем со сменой времен года:

Он всегда в дороге, и дорога, даль, меняющиеся по времени года картины неба, полей, лесов, облучок тележки или саней, бег пары верных ему умных лошадей, звук колокольчика и долгий разговор с приятным седоком — счастье, никогда ему не изменяющее (5: 80).

В рассказе соединяются *счастье* (resp. Фауст) и *смена времен года* (resp. календарь, фасты). От *Бога* (God) происходит переход к (Новому) *году*. Не случайно его рассказы попутчикам о пережитом им у гроба матери «в ее последнюю ночь среди живых» похожи «на святочный рассказ» (Там же).

Принцип метаморфозы дает ключ к пониманию того, как устроен мир у Бунина. Время-пространство и персонажи совершают оборот, круг, при этом они постоянно меняются, трансформируются, оставаясь при этом неизменными и одновременно становясь другими частями целого. Круговое движение поддерживает семантику превращения/оборотничества (из *об-ворот*). Семантика изменения в словах *преображение* и *оборотничество* является общей, раз-

личаются же они местом в системе культуры и оценочными знаками. Принцип зеркальности лежит в основе взаимного соприсутствия и перетекания оппозитивных сущностей друг в друга, таких как война — мир, конечное — бесконечное, старое — новое, старое — молодое, смерть — рождение, мужское — женское. Это же относится к божественному и дьявольскому (мефистофельскому).

Плодотворный год. Рассказ «Антоновские яблоки» (1900) построен на сложном переплетении временных пластов. Календарно он охватывает август и осенние месяцы до первых заморозков в ноябре. Дается описание сельских занятий: сбора яблок, беседы со столетними стариками, посещение тетки Анны Герасимовны, охоты у шурина Арсения Семеныча, молотбы у мелкопоместного дворянина. Умирание природы совмещается с историческим временем постепенного упадка дворянских усадеб и ходом жизни повествователя от молодого до зрелого возраста. Полный год явно не представлен, однако заявлена связь яблок с ним: «Ядреная антоновка — к веселому году» (2: 182). Реконструкция скрытых календарных событий даст в сумме годовой круг. Пространство в рассказе предстает сельским, русским, немного варьирующимся по локациям. Тем не менее сельский топос противопоставлен «иному», где находится повествователь и откуда он приезжает в родные пенаты. Восхищение сельской жизнью в противовес городской отсылает к сатире Горация (Serm. II, 6) и придает местному топосу космическое измерение. Горациево «O rus!» 'O сельская местность / усадьба / деревня / поля!' соответствует описываемым картинам. Благодаря межъязыковой омонимии лат. *rus* и русск. *Русь* топос рассказа становится топосом всей Руси, включающим города и веси, но с римской (мировой) подосновой. Многозначность англ. *country* 'сельская местность', 'страна' позволяет расширить сельскую местность до масштабов любой страны. Переход от деревенского топоса к общерусскому как мировому осуществляется еще несколькими способами. В рассказе усадьба находится в *Выселках*. Это название содержит семантику центробежного движения вкупе с семантикой отделения. Слово *село* относится к *сельскому* топосу, но однокоренное слово *селить(ся)* и его производные этого лишены, что позволяет перейти к слову *вселенная* (= *мир*), кальке греч. οἰκογενῆν 'населенная земля'. Аналогичный переход обеспечивает омонимия слов *весь* 'село, деревня' и *весь* 'целый'. Связь с *римским* (мировым) устанавливается также через мотив яблок. Лат. *rotum* — 'плод, преимущественно древесный (яблоко, вишня, финик, орех)', 'фруктовое дерево'. При заимствовании в зап.-евр. языке форма мн. ч. *rota* 'плоды' часто развивала более узкое значение 'яблоко' (ср. фр. *rotte*). Латинское название Рима ROMA в транслитерации на русский даст РОМА, что совпадает с лат. РОМА 'плоды'. Таким образом, *Рим/мир* = *плоды* = *яблоки*.

В начале рассказа задан стартовый временной период: «...Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия» (2: 179). Здесь создана зона неопределенности: август совмещается с осенью, которая календарно начинается 1 сентября. День св. Симеона Столпника (1 сентября) назывался в народе *Семен лето-проводец*. Слово *лето* играет соединением двух значений — 'теплое время года' и 'год'. 1 сентября — день индикта, церковное Новолетие. Бунин говорит о «середине месяца», но называет праздник св. Лаврентия (10 августа). Между тем точно на середину месяца (15 августа) приходится неназванный день

Успения Пресвятой Богородицы. Не названы приходящиеся на 6 августа Яблочный Спас и Преображение Господне. Между тем заложенная в Преображении семантика изменения играет важнейшую роль в рассказе и системе Бунина в целом и одновременно позволяет синхронизировать Преображение и Яблочный Спас с событиями пятницы-воскресенья Страстной недели. События Преображения хронологически предшествуют Страданиям. Перенесение праздника Преображения на август было связано с совмещением его с праздником урожая. В службе на праздник Преображения упоминаются события Страстной пятницы и осуществляется чин освящения плодов. Праздник Преображения имеет семь дней поспразднства. Отдание праздника происходит 13 августа, соответствующее августовским идам. Эта дата значима для римских фаст: 13 августа праздновались вертумналии в честь Вертумна — бога времен года, растений, садов и плодовых деревьев. Как бог времен года, Вертумн одновременно являлся богом изменений, что соответствует этимологии его имени (лат. *verto* 'вращаться'). Таким образом, общая семантика отзеркаливается и дублируется в римском (мировом) и русском (тоже вселенском) вариантах: с одной стороны, это римские вертумналии, с другой — Преображение, Яблочный Спас и Пасха. В 1900 году, когда был написан рассказ, 6 и 13 августа приходились на воскресенье (*resp.* Воскресение).

Способность Вертумна как бога изменений принимать любые обличья отражена в «Метаморфозах» Овидия, где излагается миф о Вертумне и Помоне, богине древесных плодов и изобилия. После безуспешных попыток склонить Помону на брак, Вертумн является к ней в облике старухи, которая уговаривает ее согласиться на предложение Вертумна. Потом Вертумн принимает свой облик прекрасного юноши, и Помона влюбляется в него. Все это происходит в полном плодах осеннем саду: «...он в холный сад проникает / И, подвившись плодам, говорит...»; «...и на ветви глядит с их грузом осенним» (*Ovid. Met. XIV, 656—657, 660*) [Овидий 1977]. Таков же сад в рассказе Бунина. Упоминание дважды праздника св. Лаврентия тоже связано с метаморфозой. Имя *Лаврентий* отсылает к *лавру* (лат. *laurus*) и активизирует миф о нимфе Дафне, имя которой (др.-греч. δάφνη 'лавр') — аналог имени *Лаврентий*, с *меной* «мужского» и «женского» по языкам. Овидий описывает, как Дафна, преследуемая охваченным страстью Аполлоном, превратилась в лавровое дерево (*Ovid. Met. I, 452—565*). Слово *Аполлон* игровым образом разлагается на англ. *apple* 'яблоко' + *он*, а англ. *apple* 'яблоко' паронимично англ. *a pearl* 'жемчужина'. Аполлон прививается к Дафне/Лаврентию: лавр становится вечнозеленой яблоней с яблоками-жемчужинами. Осеннее умирание природы в рассказе преодолевается внесением семантики вечного произрастания сада — аналога райского. Яблоко при этом становится плодом с дерева познания добра и зла и зна́ком смертности человека. Семантика грехопадения через яблоко/жемчужину/Маргариту проецируется на фаустовский сюжет. Имя *Лаврентий*, по другой этимологии, отсылает к *Лавренту*, городу, расположенному в Лациуме, где находилась резиденция царя Латина, что усиливает присутствие римского топоса в рассказе. На это работает и тот факт, что в западной традиции св. Лаврентий именуется Лаврентием *Римским*. Введение фигуры Фауста в связи со св. Лаврентием, представляющим в женском обличьи (как Дафны) обеспечивается тем фактом, что пастух *Фаустул* и его жена *Ларенция* воспитали Ромула и Рема, откуда переход к основанию Рима. Праздник в честь усопших Лавренталии (*Laurentalia*, *Larentalia*) отмечался в Риме 23 декабря (дата близка к Рождеству).

Встрече Вертумна и Помоны в саду соответствует описание старостиhi — с важными семантическими расширениями: «...молодая старостиhi, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова. На голове ее “рога”, — косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной...» (2: 180). Здесь Вертумн и Помона слиты в полном соответствии со словами: «будут два одною плотью» (Мф. 19:5). Молодая женщина одновременно, согласно этимологии слова *старостиhi*, является старухой, в образе которой Вертумн явился Помоне. Старое должно умереть, уступив место молодому: оно должно разрешиться родами нового, мáлого/малóго. Одна *плоть* должна дать *плод*, ибо сказано: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1:28). Межъязыковая паронимия русск. *мал* и фр. *mal* ‘зло’ от лат. *malum* ‘зло’, омонима лат. *malum* ‘яблоко’, и их анаграмматичность османск., азерб. *alma*, тат. *алма*, тур. *elma* ‘яблоко’ снова вводит топику дерева познания добра и зла и грехопадения — уже на восточной подоснове. Итал., исп., порт. *alma* ‘душа’ (от лат. *anima*) перебрасывает мост от «Антоновских яблок» к «Легкому дыханию» с прогуливающимися в саду Олей и Малютиным (мáлым) и посмертным существованием Оли в ее рассеянном дыхании. В «Антоновских яблоках» составной понятийный спектр интерпретаций беременности старостиhi объединяет значения русск. *фрукт*, лат. *fructus* ‘(древесный) плод, урожай’, ‘зародыш, утробный плод’ и русск. *плод*, что ведет к взаимному наложению семантики конца и начала, смерти и жизни. Для деревьев плод знаменует конец вегетативного цикла, для человека — начало жизненного. Сходство старостиhi с *холмогорской* короной отсылает к Риму как к городу *на семи холмах*, а учет др.-греч. *φрукτός* ‘изжаренный’ позволяет синхронизировать три понятийно-временных пласта: 1) августовский сад и праздники; 2) православную Пасху, приходившуюся в 1900 году на 9 (21) апреля; 3) римские праздники, приходившиеся на соответствующие апрельские даты.

Колебания в неделю между 6 и 13 августа — праздника Преображения и Яблочного Спаса и отдания Преображения — сопрягаются с недельным зазором между 9 апреля — Пасхой по старому стилю — и 16 апреля, на которую приходилась Фомина неделя (Антипасха). Этимология имени *Фома* (арам. ‘близнец’) поддерживает взаимные зеркальные отражения двух временных отрезков. В «Фастах» Овидия под 16 апреля описан праздник Фордилиций, когда в честь богини земли Теллус приносилась в жертву стельная корова:

Ныне беременен скот, беременна почва весной,
А плодovитой земле плодная жертва под стать <...>

Только лишь вынули плод из нутра материнского чрева,
Тотчас бросают куски мяса на дымный алтарь,
А сожигать там телят поручают старшей весталке,
Чтобы народ очищать пеплом в Палилиев день.

(*Ovid. Fasti XIV*, 633–634, 637–640) [Овидий 1973a]

Отметим, что Вертумн и Помона изображались с садовыми ножами в руке, а обряд сожигания сопрягается со смертью св. Лаврентия, заживо изжаренного на решетке. Палил(л)ии в Риме отмечались 21 апреля, что соответствует Пасхе в 1900 году по новому стилю. Они были посвящены божеству скота Палес, жен-

скому и мужскому одновременно. Для обрядов очищения использовались курения, в том числе из пепла теленка. В этот же день праздновалось основание Рима [Там же]. Сад соединяется с пятницей-воскресеньем Пасхальной недели через Евангелие от Иоанна: «На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый...» (Ин. 19:41). Мария Магдалина, придя первой ко гробу, не узнает Христа, «думая, что это садовник» (Ин. 20:15). Топосы сада и кладбища при этом отождествляются. Дата 21 апреля практически точно зеркально отражена в дате 22 октября, на которую во Французском республиканском календаре приходилось 1 брюмера, знаком которого было яблоко (фр. *rotte*).

Топос сада в рассказе связан сетью отождествлений с топом *усады*, отъезжего поля (охоты) и *полей*, где происходит сев озимых и всходят зелены (говорится также об обмолоте). Слова *сад* и *усады*, *седло* этимологически родственны глаголами *садить* и *сидеть/сесть* и встроены в переход от *села* к *вселенной*. Этот понятийный узел связан с фаустовским — на восточной подоснове. В приусадебном саду заправляют «*тархане*, мещане-садовники» (2: 179). *Тархан* изначально — привилегированное сословие тюркской знати, означало на Руси лиц, свободных от податей, и со временем развило значение ‘мелкий скупщик’, синонимичное слову *кулак* [Даль 1994: 551—552], исходное значение которого — ‘пясть со сжатыми пальцами’ — соответствует нем. *Faust* ‘кулак’. В рассказе тархане являются садовниками. Этим активизируется соответствие между русск. *сад* и араб. *саад* ‘счастье’, что одновременно связывает *Фауста* с садом. *Маргарита* тоже оказывается связанной с садом, что обеспечивает ее тождество с Фаустом: значение ‘сад’ в арабском передается словом *рауда*, являющимся анаграммой араб. *дурра* ‘крупная жемчужина’, а также русск. *удар*. Араб. *сада* ‘охотиться’ прочерчивает переход к охоте. Топос сада получает развитие в описании усадеб тетки Анны Герасимовны и шурина Арсения Семеныча. Дом у тетки стоял у самого сада и глядел «окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами» (2: 185). «*Перламутр* — от нем. *Perlmutter*, из *Perle* ‘жемчужина’ + *Mutter* ‘мать’. «Перламутровые стекла» дают эффект зеркала. Как отмечалось выше, фр. *miroir* ‘зеркало’ омофонично азерб. *мирвари* ‘жемчужина’. Перламутровые стекла — и мать жемчужины, и сама жемчужина (Маргарита). Они отражают также сад (то есть Фауста и Маргариту), и повествователя, которые все тождественны друг другу. На это работает и отмеченная выше паронимия англ. *apple* ‘яблоко’ и *a pearl* ‘жемчужина’. В представленной картине отчетливо видна антиномия части и целого. На 1 сентября приходится память не только Симеона Столпника, но и его матери Марфы (в зап.-евр. языках имени Марфа соответствует Марта), которая после смерти была похоронена возле столпа. Так стягиваются воедино другие топосы сада-как-кладбища, связанные не только с Христом-садовником, но и со св. Лаврентием как лавром, Успением Богородицы («Вертоград заключенный»), Вертумном и Помоной в осеннем саду, а также с садом Марты, где происходит встреча преобразившегося Фауста с юной Маргаритой, которые сами являются садами. Все они приобретают мировой, вселенский статус, где жизнь и смерть неотделимы друг от друга.

Перламутровые стекла в рассказе активизируют семантику родов и Рождества God’a, которая сопрягается с новогодней, а также с явными и реконструированными смыслами рассказа при введении в рассмотрение фигуры св. Мелании Римской (память 31 декабря). Имя *Мелания* — от др.-греч. *μελανία* ‘чернота’ или от *μελας, μελαινή* ‘темный, темная’ — взаимодействует с «восточ-

ной» темой. Оно также паронимично др.-греч. омонимам μήλον ‘яблоко’ и ‘овца’. Последнее значение связывается с Агнцем Божиим, Страстной пятницей и Пасхой. Совсем юной св. Мелания была отдана замуж и родила двух детей. Начало ее вторых родов совпало с наступлением памяти св. Лаврентия. Рожденный ребенок после крещения сразу умер, вскоре умер и первый. Хронография умирания самой св. Мелании начинается в Рождество; «...Провидя свое отошество к Богу, преподобная обошла Святые места в Иерусалиме... Когда наступил праздник Рождества Христова, она была на Всенощном бдении в вертепе, где родился Христос...» [Димитрий Ростовский 2006, 4: 865]. Преставилась она 31 декабря, то есть накануне Нового года. Отметим последовательное внесение семантики смерти в рубежные календарные даты.

В первых редакциях рассказа шурина Арсений Семеныч имел фамилию *Климентьев* [Бунин 1915: 169]. Фамилия производна от имени *Клементий/Климентий*, получившего распространение на Руси (также в форме *Клим*) в связи с почитанием св. Климента, папы римского (25 ноября). Фамилия *Климентьев* связана с фаустовским кодом. В начале жития св. Климента говорится: «В... древнем городе *Риме* жил один человек... по имени *Фавст*... родились сначала два сына-близнеца, из которых одного назвали *Фавстином*, а другого *Фавстинианом*; затем родился третий сын, которому дали имя Климента [Димитрий Ростовский 2006, 3: 700]. Далее семья Фаустов (Фавстов) вынуждена разлучиться. Встретясь спустя много лет, они не узнают друг друга, но потом воссоединяются. В окончательной редакции фамилия Климентьев исчезла, но отсылки к фаустовскому полю остались. Отчество Арсения *Семеныча* производно от *Семен* — русифицированной формы имени *Симеон* — и отсылает к Симеону Столпнику (а также в народной этимологии — к *семен*), в житии которого рассказывается о том, как *сарацинский* князь Василик взял в руку червя, упавшего на землю из раны святого, а «разогнув руку, нашел в ней драгоценную жемчужину» [Там же, 1: 26]. То есть, когда кулак (нем. *Faust*) разжимается, червь (аналог змея-искусителя) превращается в Маргариту. Др.-греч. *Στυλίτης* ‘столпник’ производно от *στυλος* ‘колонна’, откуда *стило*, *стилет* и *стиль*, которые одновременно поддерживают семантику убийства (смерти) и писательского творчества, где «восточное» составляет важную часть. В «Антоновских яблоках» прототипом шурина послужил все тот же зять Бунина Пушешников. Можно восстановить хронологию описываемых в рассказах событий. Августовский сад в начале рассказа, где героя называют «барчук» (2: 182), соотносится с 1886 годом, когда Бунину было 15–16 лет и когда он впервые прочел «Фауста». На 9 апреля Пасха ранее 1900 года выпадала в 1889 году, когда, как свидетельствует рассказ «День за день», фа(у)стовский код у Бунина сформировался окончательно; Бунину в это время исполнилось 19 лет. Это устанавливает время бесед со «столетними стариками» и время охоты. И наконец, 1900 год — время написания рассказа — время зрелости писателя и обмолота хлебов у мелкопоместного. Рассказ был написан в июле, а обмолот осуществляется в ноябре, что продвигает время вперед — частый у Бунина прием.

Рассказ «Антоновские яблоки» и все творчество *Ивана Бунина* в целом — это преображенное Евангелие от *Иоанна*. В отличие от синоптических, в Евангелии от Иоанна не представлен сюжет Преображения Господня, но только в нем присутствует сюжет «Христос-садовник», где Христос предстает в *преображенном* виде. Евангельская топка совмещается у *Ивана Бунина* с «Геор-

гиками» (св.) Георгия (от др.-греч. γεωργός ‘земледелец’). Бунин и его герои при этом оборачиваются то Иоаннами, то Георгиями. Все они одновременно проекции свв. Иоанна Нового (18 апреля) и Георгия Нового (26 мая), в житиях которых отразилось противоборство восточной (христианской) и восточной (мусульманской) составляющих.

Фаустовский ономастикон. Имена *Иван* и *Георгий* отождествляются и приобретают фаустовскую семантику благодаря вхождению в фаустовский ономастикон. Исторический прототип Фауста носил двойное имя *Иоганн Георг*. В народной легенде и в пьесе Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» (1588—1592) Фауст носит имя *Иоганн*, а женский персонаж — *Прекрасная Елена*. У Гёте происходит переработка исходного сюжета и ономастикона. Фауст получает имя *Генрих*, в I части трагедии появляется *Маргарита*, во II части — *Елена* Троянская, имя Фауста *Heinrich (Генрих)* является неполной анаграммой имени *Gretchen (Гретхен)*. Для понимания зеркальности персонажей важен финал сцены «Кухня ведьмы». Фауст просит Мефистофеля дать ему посмотреть в зеркало еще раз:

Фауст

Дай в зеркало мне бросить взор прощальный:
Так был прекрасен образ идеальный!

Мефистофель

Не стоит: наяву увидишь ты
Образчик лучший женской красоты.

(*В сторону.*)

Да, этим зельем я тебя поддену.
Любую бабу примешь за Елену!

[Гёте 2019: 112]

Строго говоря, Фауст в зеркале может видеть только самого себя. Но он видит туманный образ Елены, который в I части воплощается в Гретхен. Бунин движется по пути, намеченному Гёте, приращивая возможности системы. Имена *Фауст*, *Иван (Иоганн)*, *Георг(ий)*, *Елена*, *Маргарита*, *Валентин*, *Марта*, *Мария* (Дева Мария) и их варианты составляют базовый фаустовский ономастикон Бунина. Мефистофельское в основном растворено в образах и поступках героев.

В рассказе «Генрих» (1940, цикл «Темные аллеи») в название вынесен псевдоним героини, совпадающий с именем Фауста у Гёте, откуда мена и совмещение мужского и женского. В начале рассказа Глебов думает о счастье встречи с новым, которое может подарить поезд, думает и о спутнике: «...Генрих отличный товарищ...» (7: 130). Читатель и не подозревает, что под именем Генрих скрывается женщина. В поезде она входит к Глебову из соседнего купе «с греческой прической рыже-лимонных волос...» (7: 132). Осуществляется метаморфоза героини от «товарища» к женщине, и Глебов называет ее по имени-отчеству: «Нет, вы положительно становитесь ревнивы, *Елена Генриховна*» (7: 134). Остается неизвестным, настоящее ли это имя-отчество: даже в газетном сообщении о гибели героини она названа псевдонимом. Номинация *Елена*

Генриховна соединяет греческую Елену Прекрасную и Генриха Фауста. Отчество *Генриховна* является анаграммой выражения *не греховна* и устанавливает параллель между сюжетом Фауста и Маргариты и бунинским рассказом. От цыганки Маши (то есть *Мариин*), о которой Глебов говорит, что она «просто несчастье», происходит переход к «счастью совсем семейной ночи» (Там же). Звучание фаустовского «счастья» как деления на части усиливается, постепенно ведя к несчастью. Возможное приключение Глебова с цыганкой Машей в ресторане «Стрельна» и выстрел в героиню в венском ресторане изоморфны: слова *Стрельна* и *выстрел* однокоренные, Генрих и Глебов тождественны: в момент чтения газетного сообщения Глебов погибает — он *буквально убит*. Другой пример — стихотворение «Венеция» (1913), где ночью появляется гондольер по имени *Энрико* (итальянский *Генрих*). В начале стихотворения отмечается, что в полдень солнце «перламутром розовым слепило» (1: 361), в ночном же плавании по каналу отмечается «перелив зеркальных вод» (1: 364), а наступающая осень и воображаемая весна отражают друг друга. Рецепция фаустовского пласта ярко проявлена в рассказе «Ида» (1925), в котором композитор рассказывает в ресторане своим приятелям историю трехлетней давности о случайной встрече с давней подругой своей жены — Идой. И встреча в ресторане, и встреча с Идой приходятся на Святки/Рождество. В компании присутствует «некто *Георгий Иванович*» (5: 246). Его имя-отчество совпадает с именами исторического *Иоганна Георга* Фауста. Перед рассказом композитора машина в зале начинает играть оперу Гуно «Фауст», которая потом сопровождает его рассказ. Но в большинстве произведений Бунина фаустовский ономастикон присутствует скрыто.

Принесла нелегкая. Ранее нами было показано, что число 10 июля, которым датирована дневниковая запись Оли Мещерской в рассказе «Легкое дыхание», в зависимости от того, относится ли эта дата к моменту письма во втором часу ночи или к описываемым событиям прошедшего дня, дает нам временной период в три дня от 9 до 11 июля. На 11 июля приходится день преставления св. княгини Ольги, в крещении Елены, и именины Оли Мещерской [Дмитровская 2019: 196—198]. Связанные с Олей смыслы колеблются в диапазоне от мариологической семантики (Рождество и Успение) и св. Елены до Прекрасной Елены и блудницы [Там же: 197—199]. В качестве параллелей отметим неоднозначность фигуры Елены Николаевны в рассказе «Ворон» (1944, цикл «Темные аллеи»), сниженный характер Алены в рассказе «Веселый двор» (1911) и Аленки в рассказе «Митина любовь» (1924), притом что мать Мити зовут Ольгой Петровной, и трансформацию блудницы Елены в богородичный образ в рассказе «Святые» (1914). Оля Мещерская после слов о том, что она стала женщиной, возвращается во времени назад и пишет, как прошел день. При этом она дважды говорит о состоянии счастья: «Я была так счастлива, что одна! <...> ...у меня было такое чувство, что я буду жить без конца и буду так счастлива, как никто» (4: 385). Таким образом, фаустовская тема возникает до приезда Малютина и их совместной прогулки в саду — саду Марты, Фауста и Маргариты. Бунин, говоря о счастье Оли, опирается в том числе на содержащееся в поэме Овидия «Наука любви» рассуждение о том, какой день является для мужчины удачным, чтобы раскинуть любовные сети:

Благоприятней всего для твоих начинаний плачевный
День, когда потекла в Аллии римская кровь,
Или когда в семидневный черед все дела затихают,
И палестинский еврей чтит свой завещанный день.
Наоборот, дни рожденья и прочие сроки подарков —
Это в уделе твоём самые черные дни.

(Ovid. Ars am. I, 413—418) [Овидий 1973б]

Овидий называет две возможности: в субботу (что согласуется с возможными днями встречи Оли с Малютиным в 1915 или 1910 году [Дмитровская 2019: 195]) или же в день битвы между галлами и римлянами около 390 года при слиянии рек Тибра и Аллии, где римская армия потерпела поражение. День битвы — 18 июля — в дальнейшем считался в Риме траурным и несчастливым днем, однако у Овидия он счастливый для любовных начинаний. Таким образом, 18 июля является прототипическим днем по одновременному присутствию счастья и несчастья (то есть репрезентантом фаст), а также смерти и жизни. Бунин учитывает проекцию дней Олиной записи 9—11 июня на дни ровно через неделю, то есть на 16—18 июля, включающие день битвы при Аллии. Эти зеркальные отражают принцип двоения, который обеспечивается взаимными соответствиями имен и мотивов, связанных со святыми, память которых приходится на две группы дат. Это усиливает фаустовскую семантику и объясняет, почему Оле Мещерской придан мужской персонаж по имени *Алексей Михайлович*. Итак, 11 июля — именины Ольги/Елены. Имя *Елена* входит в фаустовский ономастикон и корреспондирует со св. мч. *Фаустом* (в католичестве память 16 июля по новому стилю) и св. Мариной Антиохийской, в католичестве часто именуемой *Маргаритой* (в православии память 17 июля). Одновременно в западном христианстве 17 июля — память *Алексия Римского* (Эдесского), а 9 июля в православии память св. Феодора, в житии которого рассказывается о послушнике *Михаиле*. Так в рассказе Бунина *Алексей Михайлович / Фауст*, с одной стороны, и *Елена/Ольга/Маргарита* — с другой, оказываются связанными и отраженными друг в друге.

Фигура св. Алексия, поскольку он *Римский*, связывает Рим/мир с русским миром, ибо именно на Руси культ св. Алексия, человека Божьего, получил широкое распространение. В православии память святого отмечается 17 марта, одновременно с мч. Марином Кесарийским. Мч. Марин совместно со св. Мариной (Маргаритой) Антиохийской нивелируют оппозицию «мужское — женское» и связывают Олю как Маргариту (Марину) с Алексеем Малютиным датами памяти по православному и католическому календарю. Соположение римского (мирового) и русского топонимов и их тождественность как целого и части устанавливается также на основе того, что имя-отчество Малютина отсылает к Алексею Михайловичу Тишайшему, а фамилия — к сподвижнику Ивана Грозного Малюте Скуратову [Лекманов 2002; Дмитровская 2019: 202]. Царь Алексей Михайлович принадлежит к династии *Романовых*, то есть «*Римских*» (*Роман* — от лат. *romanus* ‘римский’). Имя *Алексей*, соответствующее отчеству Бунина, является также знаком личного присутствия писателя в рассказе. Имя Фауста и Бунина *Иоганн/Иван* присутствует скрыто. Жития *Алексия Римского* (*Алексия*, человека Божьего) и *Иоанна Кущника* (15 января) обнаруживают поразительное сходство. Кроме того, память другого святого, *Иоанна Многострадального*, приходится на 18 июля по старому стилю, что соответствует дате

битве римлян с галлами при Аллии. Другое имя Фауста — *Георг* — тоже подается восстановлению. В 1916 году, когда писался пасхальный рассказ «Легкое дыхание», Пасха приходилась на 10 апреля. В этот день же день по григорианскому календарю было 23 апреля и праздновалась католическая Пасха, совпавшая с днем памяти св. Георгия. Значение имени *Георгий* ('земледелец') соответствует локусу встречи Оли и Малютина: «Это случилось прошлым летом в деревне...» (4: 357). *Георгий* у Бунина всегда Фауст деревни (лат. *rus*), Руси и Вселенной. В этом свете могут быть прочитаны финальные слова рассказа: «Теперь это легкое дыхание снова *рассеялось* в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» (4: 360), где восстанавливается связь с *севом* метафоры *рассеялось*. Оля становится *земледельцем*, посевающим свое тело в могилу Георгием, *счастливым* в падении/распаде Фаустом. Семантика смерти как сева и дихотомия тела и духа вкупе с меной пространственного низа и верха, земли и неба обеспечивают тождество образной системы финала «Легкого дыхания» с Первым посланием к Коринфянам апостола Павла, что привносит в финал эсхатологическую семантику, соединенную — в перспективе — с космогонической, поскольку наличие Творца предполагает Творение:

Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении... сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий... Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба... И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного (1Кор. 15:42, 44–45, 47, 49).

В рассказе Дух Животворящий совмещен с Олиным легким дыханием как духом земли; истоки этого сближения у Бунина от Гёте.

В «Легком дыхании» метаморфозы охватывают всех персонажей с колебаниями между полюсами старого и молодого, мужского и женского. Оля описывает Малютина, каким он предстает ей в саду: «Ему пятьдесят шесть лет, но он еще очень красив и хорошо одет...» (4: 358). Но ведь, согласно Гёте, это должен быть молодой Фауст. Следует признать, что к Оле-Помоне является Вертумн в образе старца Малютина, в женском же образе он воплощается в «моложавую» начальницу гимназии, сестру Малютина. В ее кабинете Оля смотрит на портрет «молодого царя» (4: 357). Это Николай II *Романов*. Потом в рассказе возникает «казачий офицер, некрасивый и плебейского вида» (Там же), которому Оля «покаялась быть... женой» (4: 358), — в духе финала истории Вертумна и Помоны. Жених тоже *Романов*, поскольку *плебей* — представитель низшего сословия в Древнем *Риме*. *Плебей* (*пли!* + *бей!*) стреляет и убивает Олю. Оля — человек *Божий*, человек *God'a* — Года. Ее смерть — залог возрождения времени. Персонажи в рассказе вовлечены в с-О-вращение с-О временем, они множатся и преобразуются, оставаясь тождественными частями единого целого. Сумме явных и скрытых имен в «Легком дыхании» соответствуют имена братьев и младшей сестры в романе «Жизнь Арсеньева» — Алексей, Георгий, Николай, Оля. Бунин сам предстает как Вертумн, бог времени и изменений.

Частота (не)чистоты. Название рассказа Бунина «Чистый понедельник» (1944) относится к первому дню Великого поста. Основное действие происходит в Москве в течение трех дней — с Прощеного воскресенья по утро вторника первой недели Великого поста. В комментарии к рассказу [Дзюбенко, Лекма-

нов 2016: 107—108] отмечено несоответствие между словами повествователя: «Так прошел январь, февраль, пришла и прошла масленица» и тем фактом, что в 1913 году — времени описываемых в рассказе трех дней — «Масленица пришла на 18—24 февраля, поэтому февраль... к ее началу “пройти” еще не мог». Это рассогласование объясняется соединением в рассказе двух временных пластов — времени описываемых событий и времени написания рассказа. В 1913 году православная Пасха приходилась на 14 (27) апреля, а Великий пост начинался 25 февраля (10 марта). В 1944 году Пасха приходилась на 16 (3) апреля, а Великий пост начинался 28 (15) февраля. В рассказе происходит соединение даты начала Великого поста 1913 года, взятой по новому стилю — 10 марта, и даты начала Великого поста 1944 года по старому стилю — 15 февраля. Этим обеспечивает присутствие мартовской и февральской даты как дня Чистого понедельника. От *марта* есть переход к *Марте*.

В рассказе развивается тема чистоты/нечистоты, которая связана с фа(у)стовским кодом на основе паронимического сближения англ. *chaste* ‘чистый, целомудренный’ (от лат. *castus*) и русск. *часть/счастье*. Слова *чистота* и *частота* являются омофонами. Одновременно дата 15 февраля связывает Чистый понедельник с постами и историей Рима (*resp.* мира). Название месяца февраль было дано по имени Фебрууса — этрусского бога очищения и подземного царства. Обряды очищения (*februa*) проводились 15 февраля во время Луперкалий, которые начинались 13 февраля:

Месяца имя февраль потому, что ремнями луперки
 Бьют по земле и ее всю очищают кругом,
 Иль потому, что тогда, по умилоствивленьи усопших,
 После февральных дней чистое время идет.

(*Ovid. Fasti* II, 31—36) [Овидий 1973а]

На 15 февраля приходилось также окончание осады Рима галлами, начало которой было положено битвой при Аллии (*Plut. Сам.* 30, 1). В рассказе значимость дат 13—15 февраля усиливается за счет привлечения и других источников. Героиня пересказывает фрагмент из «Повести о Петре и Февронии Муромских», где говорится о том, что к жене Павла, брата Петра, прилетал змей на блуд. Тем самым вводится «братский» комплекс, который с учетом скрытого «Фауста», где присутствуют Маргарита и Валентин, дополняется «братско-сестринским». За счет совмещения фигур Февронии и Валентина происходит активизация даты 14 февраля, на которую в Римском Мартирологе приходится день покровителя влюбленных св. Валентина (с XIV века покровителя влюбленных), заместивший ранее приходившийся на эту дату праздник св. Февронии Низибийской, истоки которого восходят к поклонению во время луперкалий богине Фебруа, отвращающей от лихорадки. Зеркальное отражение на годовом круге дат 13—15 февраля даст 13 и 15 августа (встроенные в рассказ «Антоновские яблоки») — отдавание праздника Преображения Господня / вертумналии и Успение Богородицы. Оппозиция чистоты (невинности) и нечистоты усиливается за счет мариологической топики; «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына...» (Ис. 7:14; Мф. 1:23). Героиня живет в доме Перцовой напротив храма Христа Спасителя. Вблизи находится не только Пречистенский бульвар [Дзюбенко, Лекманов 2016: 65], но и одноименные набережная, площадь, Ворота и улица Пречистенка. Улица была названа в 1658 году по иконе Пречистой Божией Ма-

тери Смоленской, хранившейся в Новодевичьем монастыре. В Прощеное воскресенье героини посещают кладбище Новодевичьего монастыря (куда должны ехать по Пречистенке), потом меняют маршрут: «И мы зачем-то поехали на Ордынку, долго ездили по каким-то переулкам в садах, были в Грибоедовском переулке...» (7: 245). Героиня говорит, что рядом Марфо-Мариинская обитель. В рассказе скрыт тот факт, что в Замоскворечье находится Климентовский переулок, выходящий, как и переулок Грибоедова, на Большую Ордынку, названный по имени церкви Климента, папы римского, главный престол которой был освящен в 1770 году в честь Преображения Господня. Храм стал Преображенским, хотя чаще именовался прежним именем. Топография поездки является проекцией основных понятийных констант чистоты / отпадения от нее (через фаустовский код), семантики Востока, а также преобразования.

Связь с фа(у)стовским кодом устанавливается и через роман Валерия Яковлевича Брюсова «Огненный ангел» (1907), который герой приносит героине. Авторство Брюсова отсылает к «Брюсову календарю», впервые изданному в 1709 году Якобом Брюсом. Календарь представлял собой месяцеслов, дополненный сведениями по астрономии и земледелию. Это дает возможность активизировать два центральных для системы Бунина представления — о календаре/фастах и Фаусте. В романе Брюсова осуществлена рецепция народной легенды о Фаусте и «Фауста» Гёте. Рената считает графа Генриха фон Оттенгейма воплощением огненного ангела, являвшегося ей с детства. Божественное в ее восприятии раздваивается и приобретает противоположный полюс дьявольского. Рупрехт и Рената прибывают в Кёльн, где Рената ищет Генриха, а Рупрехт знакомится с Иоганном Фаустом и монахом Мефистофелесом (Иоганном Мюллином). Рената исчезает. Позже Рупрехт находит ее в монастыре, где она под именем Мария находится в темнице в ожидании казни за одержимость дьяволом. Неудавшаяся попытка Рупрехта спасти ее с помощью Мефистофелеса отсылает к финалу I части трагедии Гёте. В романе две Марты: в доме одной Рупрехт с Ренатой останавливается в Кельне, другая — настоятельница монастыря. Имена Марта и Мария из романа Брюсова корреспондируют с названием Марфо-Мариинской обители, куда, утратив возлюбленную, бунинский герой приезжает почти через два года; «В четырнадцатом году, под Новый год, был такой же тихий, солнечный вечер, как тот, незабвенный» (7: 250). На рубежный новогодний переход Буниным стянуты февруарии, луперкалии, день св. Валентина, Рождество, Успение, Чистый понедельник, Прощеное воскресенье. Активизируется также представление о Воскрешении Лазаря, сестрами которого были Марфа (Марта) и Мария. Тем самым осуществляется соединение фаустовского и евангельского ономастикона.

Стратегии Бунина на соединение противоположных полюсов в оценке чистоты и «падения» героини и героя в Чистый понедельник находят поддержку в омонимии лат. *lustrum* I 'лу́жа, болото', 'публичный дом' и *lustrum* II 'искупительная жертва, очистительное жертвоприношение', откуда *lustrum* I 'завсегда́тай публичных домов' и *lustrum* II 'освящать, очищать, искупать жертвоприношением'. Чистый понедельник и предваряется Прощеным воскресением, и совмещается с ним: *прости тут* и *прости тут-ка*. Лат. *lustrum* II развивает значения 'светить', 'рассматривать', на основе которых в зап.-евр. языках формируются значения 'блеск', 'сияние', откуда — 'осветительный прибор', ср. русск. *люстра*. Но польск. *lustrum*, блрск. *люстра* имеют значение 'зеркало', что поддерживает зеркальность латинских омонимов, их тождество-в-различии.

Название рассказа «Чистый понедельник» несет в себе и космологическую семантику. Значения лат. *tundus* ‘мир, вселенная’, затем ‘земля’, ‘люди’ возникли под влиянием др.-греч. κόσμος. Прилагательное *tundus* означает ‘чистый’, ‘украшенный’. Мир предстает одновременно как целое и как часть не только в чистоте, но и в нечистоте. Фр. *monde* ‘мир’ является анаграммой слова *демон* и паронимом англ. *Monday* ‘понедельник’. Две части названия находятся во взаимном зеркальном отражении, каждое неся в себе оппозитивную семантику добра и зла, божественного и дьявольского. Св. Мелания Римская (31 декабря) в предчувствии скорой кончины молилась в церкви в день первомученика Стефана (27 декабря): «Очисти греховные скверны мои вольные и невольные. <...> Ты знаешь, Человеколюбец, что нет человека без скверны... Но ты, Владыко, презрев все мои грехи, соделай меня *чистою* на суде Твоем» [Димитрий Ростовский 2006, 4: 865–866]. Смерть и рождение, конец года и наступление нового, Страшный суд и творение мира, конец времени и его возобновление совершаются постоянно — в частоте (не)чистоты, в «мерцающем» присутствии чистой и нечистой силы.

«Впрочем, близок всему конец» (1Пет. 4:7). Бунин как писатель *отражает* мир, в котором он, Бунин, уже присутствует — как *отраженный*. Бунин является одновременно и частью мира, и целым миром, в который отражение вносит семантику войны. В своих произведениях Бунин предстает как Творец — «Невидимый, видимо всюду присущий». Он преображенный Фауст, жемчужина русской литературы. Его понятийная система и писательская техника представляют собой статический и динамический аспект единого целого, где слово *техника* отсылает к многозначности др.-греч. τέχνη — ‘искусство’, ‘прием’, ‘хитрость, уловка, интрига’, ‘произведение’. Настоящее искусство (с)ложно.

Библиография / References

- [Бунин 1915] — *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений И.А. Бунина: [В 6 т.]. Т. 2. Пг.: Товарищество А.Ф. Маркс, 1915.
- (*Bunin I.A.* Polnoe sobranie sochineniy I.A. Bunina: [In 6 vols.]. Vol. 2. Petrograd, 1915.)
- [Бунин 1965–1967] — *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1965–1967.
- (*Bunin I.A.* Sobraanie sochineniy: In 13 vols. Moscow, 1965—1967.)
- [Гёте 2019] — *Гёте И.В.* Фауст: трагедия / Пер. с нем. Н.А. Холодковского. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019.
- (*Goethe J.W. von.* Faust. Eine Tragödie. Saint Petersburg, 2019. — In Russ.)
- [Даль 1994] — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс; Универс, 1994.
- (*Dal' V.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: In 4 vols. Vol. 2. Moscow, 1994.)
- [Димитрий Ростовский 2006] — Житія святых на русском языке, изложенныя по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовскаго: В 12 кн. Киев: Изд-во Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, 2006.
- (*Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney sv. Dimitriya Rostovskago:* In 12 bks. Kiev, 2006.)
- [Дзюбенко, Лекманов 2016] — *Бунин И.* Чистый понедельник. [Опыт пристального чтения]; *Дзюбенко М.А., Лекманов О.А.* Пояснения для читателя. М.: Б.-С.-Г.-Пресс, 2016.
- (*Bunin I.* Chistyuy ponedel'nik. [Opyt pristol'nogo chteniya]; *Dzyubenko M.A., Lekmanov O.A.*

- Poyasneniya dlya chitatelya. Moscow, 2016.)
- [Дмитровская 2019] — *Дмитровская М.* С-О-вращение с-О временем («Легкое дыхание» И.А. Бунина) // Новый мир. 2019. № 3. С. 193—203.
- (*Dmitrovskaya M.* S-O-vrascheniye s-O vremenem ("Legkoe dykhanie" I.A. Bunina) // Novyy mir. 2019. № 3. P. 193—203.)
- [Легенда... 1978] — Легенда о докторе Фаусте / Ред. В.М. Жирмунский. М.: Наука, 1978.
- (*Historia von D. Johann Fausten.* Moscow, 1978. — In Russ.)
- [Лекманов 2002] — *Лекманов О.* Из комментария к «Легкому дыханию» И.А. Бунина // Литература. 2002. № 10. С. 4.
- (*Lekmanov O.* Iz kommentariya k "Legkomu dykhaniiyu" I.A. Bunina // Literatura. 2002. № 10. P. 4.)
- [Летопись... 2011] — Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870—1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
- (*Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina.* Vol. 1 (1870—1909). Moscow, 2011.)
- [Овидий 1973а] — *Публий Овидий Назон.* Фасты / Пер. с лат. Ф.А. Петровского // Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Сост. и предисл. М.Л. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1973. С. 235—371.
- (*Publius Ovidius Naso.* Ars amatoria. Moscow, 1973. P. 147—208. — In Russ.)
- [Овидий 1973б] — *Публий Овидий Назон.* Наука любви / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова // Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Сост. и предисл. М.Л. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1973. С. 147—208.
- (*Publius Ovidius Naso.* Fasti. Moscow, 1973. P. 235—371. — In Russ.)
- [Овидий 1977] — *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы / Пер. с лат. С.В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1977.
- (*Publius Ovidius Naso.* Metamorphoses. Moscow, 1977. — In Russ.)